ГАЛЛИПОЛИЙСКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Marina KASUMOVA [1] Khasan KASUMOV [2]

АННОТАЦИЯ

В статье рецензируется книга Н.Д. Карпова, посвященная истории военной эмиграции русской армии Врангеля и ее пребыванию на территории Турции в 1920 году.

Ключевые слова: Россия, гражданская война, военная эмиграция, Галлиполи.

Kasumova, Marina ve Kasumov Khasan. "Gallipolijskaja Istorija Russkoj Voennoj Jemigracii". *idil* 3.12 (2014): 167-176.

Kasumova, M. ve Khasan, K. (2014). Gallipolijskaja Istorija Russkoj Voennoj Jemigracii. *idil*, 3 (12), s.167-176.

[1] Associated Professor, Fatih University, Istanbul, доцент, кандидат филологических наук, kasumova@mail.ru mkasumova(at)fatih.edu.tr
[2] Associated Professor, Fatih University, Istanbul, доцент, кандидат исторических наук, kasumov06(at)mail.ru

RUS ASKERİ GÖÇÜNÜN GELİBOLU TARİHİ

ÖZET

Bu çalışmada; N.D. Karpov'un, General Vrangel komutasındaki Rus ordusunun 1920 yılındaki askeri göçünü el alan kitabı incelenmektedir.

Anahtar Kelimeler: Rusya, sivil savaş, askeri göç, Gelibolu.

GALLIPOLIAN HISTORY OF RUSSIAN MILITARY EMIGRATION

ABSTRACT

This article is reviewed book N.D Karpov devoted to the history military emigration Russian army of General Wrangel to Turkey in 1920.

Keywords: Russia, Civil War, military emigration, Gallipoli.

В Галлиполи мы потеряли, похоронили реальную
белую Идею, но приобрели более бесплотную,
более недостижимую, очищенную, просветленную
белую Мечту.
Владимир Душкин «Галлиполи»

«Стамбул», «Галлиполи», «Чаталджа», «Хадымкей» – недавно еще такие далекие названия неожиданно становятся совсем близкими, когда оказываешься в общем с ними физическом пространстве, когда видишь их на дорожных указателях, автобусах, обложках книг в магазинах, с экрана телевизора, в разговорах. Точки на географической карте становятся конкретными местами в пространстве и остаются таковыми в памяти уже навсегда.

Так, может быть, было и почти 90 лет назад, когда полторы сотни тысяч человек, завершая свое короткое, но тяжелое путешествие по Черному морю оказались на берегах Босфора и Дарданелл. Только видели и слышали они нечто другое. Неопределенность, сомнения и надежды – вот что было главным для начинающей свой путь русской военной эмиграции.

Исследования истории русской эмиграции после окончания Гражданской войны можно условно разделить на два основных этапа: первый – с конца 1980-х до конца 1990-х, и второй – с начала 2000-х годов. На первом этапе шел в основном процесс становления и развития нового для российских гуманитарных наук объекта исследований, публиковались неизвестные отечественным исследователям работы, прежде всего мемуары непосредственных участников эмиграции, некоторые документы и материалы, а также работы зарубежных авторов по данной проблематике. Тогда же начали формироваться и группы исследователей, появились авторы, которые полностью посвятили свои научные интересы указанной проблеме. Складывалась и документальная база. Не останавливаясь на контексте, отметим, что социально-политическая ситуация и состояние академической среды во многом способствовали, но каждая по-своему, началу нового этапа в изучении указанной проблематики.

Книга Н. Д. Карпова «Крым – Галлиполи – Балканы», вышедшая в Москве в издательстве «Русский путь» в 2002 году (Карпов 2002), несомненно,

относится ко второму этапу развития исследований русской эмиграции периода после Гражданской войны в России. В отличие от работ 1990-х годов, в 2000-е начинается более глубокое изучение отдельных этапов, направлений, аспектов и проблем политической, социальной и культурной истории русской эмиграции.

Автор прослеживает путь армии под командованием генерала Врангеля из Крыма на территорию Османской империи в Галлиполи и далее на Балканы – в Сербию и частично в Болгарию.

Следует отметить, что в книге широко представлены архивные документы и материалы: русско-американского культурно-просветительского общества «Родина», Государственного архива Российской Федерации, Центрального музея Вооруженных сил и др. Автор активно использовал и такие опубликованные документальные источники как «Русская военная эмиграция 20-х – 40-х гг.» (Русская военная эмиграция 1998), а также мемуары, дневники и исследования самих непосредственных участников русской эмиграции.

Структурно работа Н. Карпова имеет хронологический принцип изложения и соответствует основным этапам истории существования армии генерала Врангеля за рубежом: эвакуации из Крыма, галлиполийскому и балканскому периодам.

В книге дается подробное описание подготовки и проведения эвакуации армии и беженцев из Крыма в Константинополь. Автор указывает на сложности и противоречия, как организации, так и проведения эвакуации в условиях продолжающихся боевых действий. Всего, по данным, приводимым в работе, к 23 ноября 1920 г. в Константинополь было вывезено из Крыма от 111 до 145 тысяч человек, включая военнослужащих, раненых, служащих, других беженцев, женщин и детей.

Для нас наибольший интерес представляет именно так называемый «галлиполийский» период, который продолжался с ноября 1920 по декабрь 1921 года. При этом большая часть войск Врангеля размещалась на территориях Османской империи – на полуострове Галлиполи и западнее Стамбула (Константинополя), в районе Чаталджи. Такое размещение, как отмечает автор, было результатом действия нескольких факторов. Во-первых, после окончания первой мировой войны и поражения в ней Османской империи, весь район проливов Босфор и Дарданеллы находился под военно-административным контролем Великобритании и Франции, которые

оказывали военную помощь в Гражданской войне Белому движению и армии Деникина, затем Врангеля. Это накладывало определенные обязательства на страны Антанты, прежде всего на Францию.

Во-вторых, продолжалась греко-турецкая война, что также являлось немаловажным обстоятельством.

В-третьих, наличие в средиземноморско-черноморском бассейне организованной военной силы было важным фактором влияния на политику всех сторон – от стран Антанты до турецкого национального движения во главе М. Кемалем и поддерживавшей его Советской России. Таким образом, армия Врангеля могла стать влиятельным военно-политическим игроком в регионе. Сам генерал стремился сохранить армию как организованную военную силу для дальнейшей борьбы с большевизмом и добиться ее признания ведущими державами.

Не следует забывать и о правовой стороне вопроса. Зона проливов, находившаяся под полным контролем специальной международной комиссии, а фактически, как уже было сказано, Великобритании и Франции, была объявлена демилитаризованной и свободной для мореплавания всех торговых и военных кораблей всех стран. Н. Карпов особо подчеркивает данное обстоятельство, как решающее в правовом аспекте проблемы статуса и размещения войск армии Врангеля. Вообще, говоря о международно-правовой стороне, автор допускает, к сожалению, несколько неточностей. Так, утверждается, что «после сокрушительного поражения Турции на Кавказском фронте в 1915 г. по Мудросскому соглашению, а затем по Севрскому договору европейская часть Турции, включая и Стамбул, становилась сферой безраздельного господства Франции и Англии» (Карпов 2002: 23).

Отметим, однако, поражения Турции на Кавказском фронте в 1915 г. не могли стать решающими, так как за ними последовала кампания 1916 года с еще более серьезными сражениями на Кавказе, кампания 1917 г. и фактический выход России из войны в начале 1918 г. Конечно, поражения турецкой армии в 1914 – 1916 гг. на Кавказе и в Персии, где также велись военные действия, оказали чрезвычайно большое влияние на военную мощь Османской империи в целом. Однако военные неудачи Османской империи в первой мировой войне, а не второй мировой, как сказано по поводу участия в ней Греции, что, вероятно, досадная опечатка (Карпов 2002: 24) следует связывать, прежде всего, как с поражениями всего блока Центральных держав, ситуацией внутреннего политического и экономического кризиса в империи, так и с конкретными неудачами турецких войск в Палестине и Месопотамии

(современный Ирак), с военно-политической ситуацией на Балканах. Следовательно, Мудросское соглашение и Севрский договор, есть общий итог первой мировой войны для Османской империи.

В книге дается описание Галлиполийского полуострова и одноименного города, численность и этнический состав населения. Подчеркивается, что основу населения города, в окрестностях которого русские войска провели более года, составляли греки, турки, евреи и армяне. Говоря о происхождении названия города и полуострова, автор допустил ошибку в названии этнонима. По его словам одним из вариантов происхождения названия стало то, что в 278 г. до нашей эры в городе находился «отряд галлов» (Карпов 2002: 25). Речь должна идти не о галлах, которые проживали на севере Италии и на территории современной Франции, а о галатах, мощном племенном союзе, и их государстве, которому на протяжении 50 лет платил дань предшественник Константинополя – Стамбула греческий город Византий. Впрочем, этот исторический экскурс не должен отвлекать от главного – положения войск генерала Врангеля и их дальнейшей судьбы. Автор справедливо отмечает, как переплелись исторические события разных эпох. Еще в Крымскую (Восточную) войну 1843-1856 гг. на полуострове была промежуточная база англо-французских союзников, где содержались и русские военнопленные, о чем свидетельствовали их захоронения, ставшие впоследствии частью кладбища 1-го армейского корпуса, в который была переименована после переформирования армия Врангеля. Более того в конце русско-турецкой войны 1877 – 1878 г. русские войска подошли к деревне Булаир – наиболее узкой части перешейка, связывающего полуостров с материком, где в 1854 году французы построили укрепления, однако не стали их атаковать, так как было заключено перемирие в Сан-Стефано. Н. Карпов отмечает, что на судьбе населения полуострова сказались первая и вторая Балканские войны, когда там скопилось до 200 тыс. беженцев-мусульман, и события 1914 – 1915 гг. (неудачная Дарданелльская операция англо-французов), когда с полуострова были выселена Османским правительством часть проживавших там христиан.

Положение эвакуированных войск в их взаимоотношениях с властями было двойственным – с одной стороны Галлиполи по Севрскому договору 1920 г. был передан Греции, и в городе была греческая гражданская администрация, с другой стороны, существовала французская военная администрация, с которой и приходилось решать вопросы снабжения войск.

В главе «Борьба за выживание» автор хорошо показывает все проблемы, трудности и лишения, которые пришлось испытать всем эвакуированным, и военным и гражданским, в первые дни и месяцы «галлиполийского сидения».

Недостаточное питание, болезни, отсутствие жилья и недостаток воды, морально-психологические проблемы людей – вот далеко неполный перечень проблем, вставших перед «галлиполийцами». В главе показано как преодолевались эти трудности. В короткие сроки армия была полностью переформирована, но с сохранением исторически сложившихся воинских частей и подразделений. Были побеждены болезни, налажено снабжение войск и их обучение. Создавалась транспортная инфраструктура – уже в декабре 1920 г. началось, а в марте 1921 г. завершилось сооружение полевой узкоколейной железной дороги для доставки грузов с кораблей в лагерь армейского корпуса. Таким образом, зимой 1920/1921 г. удалось сделать главное – сохранить армию. Отмечается, что большую роль в этом сыграли меры по поддержанию дисциплины. Обращает внимание пример Константинополя, приводимый в тексте, когда отсутствие должной дисциплины в русских общежитиях привело к кражам, грабежам, насилию, торговле оружием и проституции (Карпов 2002: 43). Все это полностью отсутствовало в лагере под Галлиполи и в самом городе.

Безусловно, важнейшей проблемой пребывания достаточно большого количества войск, недавно участвовавших в военных действиях, на чужой территории, были отношения с местным населением. Автор обращает внимание на этот аспект «галлиполийского сидения». Приводятся воспоминания участников событий, в которых говорится о том, что все «ранее бывшие в Галлиполи воинские части турок, немцев, англичан и французов очень обижали жителей, грабили их и приставали к женщинам. Но очень скоро «местные жители увидели, что ... русские никого не обижают и никого не грабят» (Крапов 2002: 46). Автор отмечает, что были отдельные конфликтные случаи, которые не меняли общей картины. Отметим, что в книге приводятся данные об отношениях русских войск с представителями всех основных общин полуострова – турецкой, греческой, армянской и еврейской. Относительно турецкой общины говорится, что турки были вынуждены хорошо относится и к русским, и к грекам в силу ряда обстоятельств: территория была на тот момент подконтрольна Греции, с которой продолжалась война, Турция была стороной, потерпевшей поражение в войне, в которой Россия была ее противником; кроме того, всем уже были известны отношения М. Кемаля с Советской Россией (Халит Дюндар Акарджа *Родина*, 2009, №4). Последнее, по мнению автора, порождало и опасения турецкого населения относительно поведения представителей Белого движения. В распоряжение русского командования были даже переданы некоторые мечети, школы и караван-сарай (Карпов 2002: 47). В целом подчеркивается вполне благожелательное отношение войск и всего местного населения друг к другу.

Автор показывает, что многочисленные контакты с населением устанавливались на межперсональном уровне в условиях, если так можно выразиться, спонтанной повседневности военного времени. К сожалению, автор не развил именно эту сторону своего исследования, достаточно лапидарно упоминая о контактах подобного рода. Впрочем, скорее всего, анализ социокультурных отношений между войсками с неопределенным правовым статусом и полиэтничным и поликонфессиональным населением не входил в намерения автора.

Много внимания в работе уделено различным административным и организационно-тактическим вопросам пребывания войск в Галлиполи. Вместе с тем, автор совсем немного внимания уделил социальному и этническому составу армии Врангеля, политическим взглядам рядового и офицерского состава. Говоря о беженцах, Н. Карпов отмечает, что 1/5 часть войск оставила лагерь в Галлиполи и в качестве беженцев отправилась в другие страны и даже континенты. Мотивы, которыми руководствовались, становясь беженцами, или когда возвращались в Советскую Россию, остаются непроясненными.

Только в ситуации, когда положение людей, их будущее, было достаточно неопределенным, мог появиться совершенно авантюрный план захвата Константинополя с целью обратить внимание на «армию генерала Врангеля и на ее бедственное положение», фактически демонстрацию силы (Карпов 2002: 72). Автор анализирует военно-политическую ситуацию в районе проливов весной 1921 года, раскрывает интересы и силы сторон: «фактического диктатора М. Кемаля», султана Абдул Хамида II, англо-французов. Затем делается вывод о том, что перспективы у плана были, генерал Кутепов, непосредственно руководивший войсками и генерал Витковский, его разработчик, полагали, что реальных сил отстоять Константинополь у Антанты не было. Весьма характерно то, что как указывается в книге, «о дальнейших шагах в случае успеха операции четких представлений не было. Решили действовать в соответствии со складывающейся обстановкой» (Карпов 2002: 73). Надо полагать, что не было и планов на случай неуспеха операции. Этот эпизод несостоявшегося захвата Константинополя, который мог оказаться еще одним примером иронии истории – вековая несбывшаяся мечта – двуглавый орел над Босфором водружен армией без государства и сколько-нибудь четкого правового статуса ради непонятной цели – все это совершенно ясно и недвусмысленно демонстрирует ситуацию в среде командования. Это было полное непонимание обстановки, абсолютный отрыв от реальности, банальная военная и политическая авантюра, ценой которой могли стать человеческие

жизни, свои и чужие. Все это автор приводит со слов генерала Витковского, который рассказал о данных планах и действиях в попытке их реализовать, в своих воспоминаниях «В борьбе за Россию». Странно, что активно цитируя генерала, приводя его данные и оценки ситуации, автор ни разу на протяжении нескольких страниц текста, где воспроизводится данный эпизод, не использовал какие-либо альтернативные источники или свидетельства, подтверждающие или опровергающие точку зрения Витковского. Во всяком случае, научный аппарат об этом свидетельствует (см. примечания 145 – 149: Карпов 2002: 162). Историки знают, насколько осторожно следует относиться к воспоминаниям, проверяя и дополняя их иными, относительно более объективными, источниками. В данном случае мы этого не видим, что снижает ценность приводимой информации. Проблема также в том, что не видна авторская позиция по данному вопросу. Либо автор полностью доверился воспоминаниям генерала Витковского, либо такой важный военно-политический шаг он не считает достаточно серьезным и реальным. Тогда почему он так подробно излагается на четырех страницах работы? (Карпов 2002: 72 – 75)

Совершенно иная ситуация, по мнению Н. Крылова, сложилась в казачьих лагерях. Из более чем 30 тысяч донских и кубанских казаков 14630 донцов были размещены в районе Константинополя (Стамбула). Сейчас это пригороды Стамбула – Чаталджа и Хадымкей. Опираясь на свидетельства некоторых источников, автор настаивает на некоторых принципиальных отличиях в социальном составе и соответственно в восприятии ситуации и поведении частей Добровольческой армии в Галлиполи и казачьих частей в районе Чаталджи (Карпов 2002: 90). С выводами автора в данном случае можно согласиться, также как с утверждением о серьезных расхождениях в политических взглядах между руководством Белого движения и казачьей верхушкой Кубани и Дона.

К сожалению, в своей работе Н. Карпов не подвергает строгому анализу намерения и действия командного состава, особенно высшего, следуя, в основном, оценкам и выводам авторов многочисленных воспоминаний о событиях начала 1920-х годов. Мы видим скорее описание событийной стороны, чем авторскую интерпретацию многочисленных источников им привлеченных, при которой вопрос «почему» превалировал бы над вопросом «как».

Тем не менее, хочется отметить несомненную ценность работы Н. Карпова, который одним из первых предпринял серьезное и глубокое исследование конкретной исторической проблемы – истории

«галлиполийского сидения» армии Врангеля и ее балканского периода существования. Это, пожалуй, единственная и беспрецедентная попытка «коллективной эмиграции» целой армии в сложнейших исторических обстоятельствах, какие бы цели она не преследовала и как завершилась.

Bibliografija

Karpov N. D. Krym – Gallipoli – Balkany. M.: Russkij put', 2002. – 168 s.

Russkaja voennaja jemigracija 20-h – 40-h godov. Dokumenty i materialy. T. 1. Kn. 1. M., 1998.

Interesnye svedenija o vzaimootnoshenijah generala Vrangelja i lidera tureckogo nacional'nogo dvizhenija M. Kemalja v nachale 1920-h gg. sm.: Halit Djundar Akardzha. Vrangel' i Kemal'. Rodina. № 4. 2009.